

Религия: между публичным и частным

В жизни каждого человека множество вещей остается вне поля его рассудочного зрения. Эти вещи либо слишком велики для того, чтобы человек мог их постичь, либо слишком малы, чтобы мы их замечали. Когда форма становится соразмерной нашему восприятию — мы обращаем на предмет свое внимание. По этой причине часть явлений, окружающих нас так и остается неосознанной, другая часть не представляется необходимой для осознания — она переживается на уровне ощущений и переходит в индивидуальный опыт. Уровень социальных процессов — не менее сложен для рефлексии, его постоянное перетекание от публичного, коллективного к приватному и индивидуальному составляет постоянную загадку, о которой французский социолог Ален Турен на недавнем Первом Форуме по социологии в Барселоне сказал так: «социальное, как и религиозное в своей природе составляет одну из мистических тайн». Потому задача ученых, анализирующих общество и религию – подобрать такие измерительные приборы или категории, которые бы помогали обнаруживать и распознавать социальные формы и давать объяснение происходящему в окружающем нас мире — мире многообразных религий и различных социальных систем. Слишком широкие категории зачастую запутывают исследователей и читателей, подменяя значения и не учитывая исторические контексты формирования понятий.

Профессора факультета социологии Университета Джорджтаун (Georgetown University) и руководителя программы «Глобализация, религия и секулярное» в Центре Беркли сегодня называют одним из ведущих ученых в области социологии религии. Среди работ, принесших ему известность, книга, вышедшая в 1994 году под названием «Публичные религии в современном мире» (Public religions in the modern world / Jose Casanova. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 320 p.). Дословный перевод английского понятия «public religions» как «публичные религии» для русскоязычного читателя непривычен, но его адекватное толкование потребует целого предложения «религии, занимающие определенное (значительное) место в общественной и государственной жизни».

«Публичные религии в современном мире»

Книга «Публичные религии в современном мире» прочно вошла в список фундаментальных исследований по социологии религии XX века. Профессор Хосе Казанова выступил в этой работе с критикой основных положений классической теории секуляризации (религия теряет свое значение и убедительность в современном мире (Питер Бергер, «Священная завеса» 1967 год) и становится «частным делом», постепенно исчезая с общественной сцены (Томас Лукман «Invisible religion» 1967 год), аргументируя свои выводы обширным материалом исторических и социально-политических исследований этого процесса в разных частях мира.

Хосе Казанова обратился к историческому опыту развития четырех разных стран — Испании, Польши, Бразилии, и США (Протестантская и Католическая Америка стала предметом анализа), чтобы поднять тему социального и политического значения религии на уровне государства и общества в целом. Стоит отметить, что автор оставляет в стороне проблему роста новых религиозных движений, но задается вопросом «почему оживают и приобретают значимые социальные роли те религиозные традиции, которые, как теория

секуляризации, так и теория цикличности религиозного возрождения, признавали наиболее маргинальными в современном мире». Как связаны между собой процессы дифференциации общества, утрата религией социетальной функции и процесс «приватизации религии»?

«Центральный тезис настоящего исследования, — пишет Хосе Казанова во «Введении» своей книги, — заключается в том, что мы являемся свидетелями «деприватизации» религии в современном мире. Под деприватизацией я понимаю факт того, что религиозные традиции по всему миру отказываются принимать маргинальную и приватную роль, которую теории модерности, как и теории секуляризации, им отводят. Социальные движения, раскрыли основания и автономность изначально секулярной сферы, государства и рыночной экономики, которые по своей природе религиозные или имеют определенное отношение к религии. Схожим образом религиозные институты и организации отказываются ограничивать свою деятельность пастырской заботой об отдельных душах и продолжают задавать вопросы о взаимодействии частной и общественной морали, обращаются к различным сферам, например — государству и рынку с вопросом — могут ли они быть освобождены от внешней нормативной оценки. Одним из результатов такого рассмотрения является двойственный, взаимообуславливающий процесс реполитизации частной религии и моральной сферы, и ренормативизация экономической и политической сфер. Это то, что я при отсутствии лучшего термина называю «деприватизация» религии».

Каждый разбираемый Хосе Казановой случай — попытка увидеть уникальный пример того, как религия оказывает значимое воздействие на публичную сферу, способствует не только изменениям политических режимов, но при этом меняет предписанную ей социальную роль «частного дела». Эти разнообразные исторические свидетельства, по мнению ученого, говорят об общей тенденции современного мира — о процессе «деприватизации» религии в Западной Европе, Латинской Америке и Восточной Европе.

Хосе Казанова

Хосе Казанова избирает две христианские традиции — Католицизм и Протестантизм. И как утверждает автор, этот выбор не случаен — ведь именно католическая христианская традиция стала фокусом Просвещенческой критики религии, будучи активной, настойчивой в своей политике, фундаменталистской и тщетно противостоящей процессам секуляризации и модернизации Западной Европы. Католицизм «сражался с капитализмом, либерализм, современным светским государством, демократическими революциями, социализмом, сексуальной революцией. В итоге, он стал общепринятой формой антимодерной публичной религии». Однако с 60-х годов XX века Католическая Церковь предпринимает попытки модернизации, не желая выступать «частной религией», что означает ее желание быть современным и публичным субъектом. Второй Ватиканский Собор прочно закрепил за Католической Церковью эту роль.

В историческом примере Польши Хосе Казанова усматривает образец слабых церковно-государственных отношений, то есть пример национальной территориальной Церкви в поисках национального государства. Это пример Церкви, поддерживающей «религиозно-нормативную интеграцию нации в ситуации отсутствия государства как такового, Церкви, сохраняющей нацию от распада и иностранной оккупации и противостояния навязыванию секулярной модели государства, которое пыталось разъединить связь церковь-нация».

Пример Испании социолог приводит как образец официальной церкви в многонациональном государстве-империи, которая противостояла силой ее «отделению от либерального государства и которой удалось с использованием силы переутвердить свой статус официальной Церкви в Католическом государстве».

Бразильская Церковь рассматривается как пример колониальной церкви, которая в первую очередь учреждалась как административное средство империи, а в последствии превратилась в «официальную церковь либерально-позитивистского государства, которая возродилась после отделения от государства, вдохновляемая идеей национальной церкви в альянсе с популистским государством и его проектом национального развития».

США в анализе Хосе Казановы выступает первым государством, в котором Церковь отделена от государства конституционно. Равенство религии перед Конституцией и в глазах права утвердило в качестве сущностных черт религий в Америке — характер их отношения к обществу. «Евангелический протестантизм развивался как надденоминационная главенствующая гражданская религия в американском обществе. Католицизм появился как территориально организованная национальная деноминация иммигрантов — представителей этнических католиков».

Ученый считает, что понятие и процесс «секуляризации» связано исключительно с Западноевропейской модернизацией и не может быть применимо к тем регионам, где историческое развитие следовало иным тенденциям. Гипотеза Казановы относительно термина публичные религии заключается в следующем — «степень публичности религии зависит от ее конкретного структурного положения между государством и обществом».

К тому моменту, когда католический мир перешел в стадию «деприватизации» религии, Восточная Европа оказалась на переломном моменте — либерализации религиозной сферы. Деприватизация религии, исходя из положений теории Хосе Казановы – процесс эволюционный, несмотря на неожиданность и непредсказуемость появления публичных религий в 80-х годах для социологов религии. Перед Восточной Европой, которая почти на столетие оказалась выключенной из эволюционного развития встает правомерный вопрос — насколько понятия «секуляризации» и «деприватизации» религии могут быть применимы к ее реалиям? Как процессы на уровне системы общество-религия-государство могут быть осмыслены в их взаимосвязи — дифференциация, утрата религией социетальной функции и приватизация религии в нашем регионе?

Многообразие форм публичной религии, представленное в книге Хосе Казановы, намечает общую мировую тенденцию в начале XXI века – религия не только становится публичной, но и одним из важнейших катализаторов глобализации в современном мире. Этой теме посвящена недавняя лекция профессора Хосе Казановы, прочитанная им в декабре 2009 года в Йельском университете «Религии как формирующие силы глобализации».

Биографическая справка:

Хосе Казанова получил степень бакалавра философии в Seminario Metropolitano в Saragossa, Испания, магистра теологии в University of Innsbruck, и магистра социологии в New School for Social Research (Нью-Йорк). Степень по социологии (Ph.D. in Sociology) Хосе Казанова получил в New School for Social Research в 1982 году, где с 1987 по 2007 он преподавал, а также в разное время занимал должность декана социологического

факультета и комитета по историческим исследованиям. Его приглашали в качестве преподавателя в университеты: New York University, в Harriman Institute Колумбийского университета, в Institut für die Wissenschaften vom Menschen в Вене, в Bellagio Center of the Rockefeller Foundation, Wissenschaftskolleg zu Berlin и в Центрально-Европейский Университет, Будапешт.

Недавние публикации Хосе Казановы:

“Public Religions Revisited” in Hent de Vries, ed., Religion: Beyond the Concept (Fordham University Press, 2008),

“Religion, Politics and Gender in Catholicism and Islam” in Hanna Herzog and Ann Braude, ed., Gendered Modernities: Women, Religion, and Politics (Palgrave, forthcoming).

“Immigration and the New Religious Pluralism: A EU/US Comparison” in Thomas Banchoff, ed., Democracy and the New Religious Pluralism (Oxford University Press, 2007).

“Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective,” The Hedgehog Review (2006);

“The Long Journey of Turkey into Europe and the Dilemmas of European Civilization,” Constellations (2006);

“Einwanderung und der neue religiöse Pluralismus. Ein Vergleich zwischen der EU und den USA,” Leviathan (2006);

“Religion, the New Millennium and Globalization,” Sociology of Religion (2001).

На прошлой неделе президент Польши (бывший коммунист) призвал внести в будущую конституцию Евросоюза четкое упоминание о христианском наследии Европы. Другие в это время только шепотом выражали свои пожелания о необходимости сделать такое утверждение. Хосе Казанова объясняет, почему Польша публично призывает к этому.

Связь между христианской и европейской цивилизацией рвется. Западная Европа все в меньшей и меньшей степени остается центром христианской цивилизации, и наиболее динамичные формы христианства в наши дни становятся все менее и менее европейскими. И, тем не менее, именно в такой момент католическая Польша снова «воссоединяется с Европой».

На протяжении тех лет, когда в европейских сообществах проходил процесс секуляризации - в действительности «де-христианизации» - польский католицизм пережил исключительно сильное оживление. Все усилия коммунистического режима разорвать связи между католической церковью и польской нацией потерпели провал. Насильственная секуляризация сверху - относительно успешно проведенная в Советском Союзе - постыдно провалилась. Также тщетными оказались надежды на то, что экономическое развитие окажет тот же самый секуляризирующий эффект как на Западе.

В отличие от оценки произошедших в 19 столетии в Польше, обреченных на неудачу романтических восстаний против царской России, большинство европейских обозревателей рассматривали религиозное оживление в стране при коммунизме как анахронистическое, если не реакционное действие. И, тем не менее, поляки не стали следовать духу времени. Удивительное - некоторые говорят, похожее на чудо -

возвышение кардинала Карла Войтилы до папского престола как Иоанна Павла II, его триумфальный визит в Польшу в 1979 году, подъем Солидарности годом позже и крушение советской системы в 1989 году изменили ход истории.

Если исходить из всего вышесказанного, то нет ничего удивительного в том, что в Польше появился тип так называемых католических «Еврофобов», которые отвергают Евросоюз не потому, что там ввели евро, или что он создает какие-то предполагаемые угрозы национальному суверенитету, но из-за того, что Европа в настоящий момент представляет собой в моральном и духовном плане. Эти анти-европейски настроенные католики отвергают европейскую интеграцию, потому что они думают, что европейские мирские материалистические и гедонистические ценности угрожают католической самобытности Польши. Они опасаются угрозы секуляризации, которая, как они думают, неизбежно связана с европейской интеграцией.

И их страхи не так уж не обоснованы. В конце концов, фундаментальное положение теории секуляризации звучит следующим образом - чем более современным становится общество, тем более мирским оно становится. Поскольку модернизация в смысле соответствия европейским уровням в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии является одной из причин, по которым Польша стремится к интеграции с Евросоюзом, то можно также предполагать, что общеисторический образец модернизации приведет к секуляризации в странах Центральной Европы, включая Польшу.

Вера в постепенный упадок религии является частью европейского определения того, что представляет собой современная ситуация, и это имеет реальное последствие для религиозности. Предполагаемая нормальность уверенности в неизбежности секуляризации имеет тенденцию воспроизводить самое себя, также как и ее способность представлять ее все более необратимой.

И именно в данном моменте польский католицизм находит для себя особую историческую роль. Несмотря на изначальную амбивалентность в отношении Европы, польская католическая церковь поддерживает - по крайней мере, официально - четкую позицию, направленную на поддержку европейской интеграции, начиная с 1996 года, когда делегация польских епископов посетила Европейскую Комиссию в Брюсселе.

Такая позиция полностью совпадает с видением европейского единства, на которое неоднократно указывал Папа римский - поляк по национальности. Во время визита Иоанна Павла II в 1999 году в Польшу он четко заявил о своей поддержке европейской интеграции. Одна из причин для такого положительного подхода может быть связана с апостольским посланием, которое Папа римский составил для польской церкви.

Как первый славянский Папа римский в истории, Иоанн Павел II чувствовал, что ему уготована особая миссия, заключающаяся в освобождении славянских народов от коммунистического ига и углублению экуменистического диалога с ортодоксальными в основном церквями стран Восточной Европы. Падение берлинской стены послужило подтверждением миссии Папы римского, направленной на воссоединение и духовное возрождение христианской Европы.

Но такое видение Папы римского вступает в противоречие с Западной Европой, которую он начинает воспринимать как все более атеистическую, гедонистическую и не отвечающую на его призыв к возрождению. Испытав от этого сильное огорчение, он обратился к Восточной Европе - в особенности к католической Польше - которая, по-

видимому, была в меньшей степени затронута капиталистическим материализмом, - побуждая живущих в этом регионе людей служить в качестве духовного «резервуара» христианской Европы. Однако вскоре он обнаружил, что западные материальные блага и ценности начали заполнять Восток и загрязнять этот резервуар.

Тем не менее, польские католические епископы приняли послание Папы к ним и неоднократно уверяли в том, что одной из целей церкви в объединенной Европе является дальнейшее возрождение христианства. Но, учитывая потерю спроса на религию, предоставление имеющихся в Польше в избытке священников для проповедования пан-европейского Евангелия маловероятно сможет изменить положение вещей в значительной степени. Европейский прохладный - если не сказать враждебный отклик - на возрожденческие проповеди Иоанна Павла II, подтверждает сложность данной миссии.

Однако менее амбициозное апостольское послание возможно сработает. Позвольте Польше доказать, что связь между модернизацией и секуляризацией является ложной. Позвольте Польше оставаться Польшей. Позвольте *Polonia semper fidelis* (Польша всегда верна) оставаться верной своей католической самобытности и традиции, при этом успешно участвующей в европейской интеграции и оставаясь в ходе этого процесса «нормальной» европейской страной. Если позволить этому случиться, то, возможно, окажется, что закат религии в Европе является не неизбежным процессом, тесно связанным с модернизацией, а историческим выбором, сделанным европейцами.

Современная религиозная Польша может вынудить атеистических европейцев вновь задуматься о своих предположениях и осознать, что это не Польша идет не в ногу с Европой, а мирская Европа идет не в ногу со всем остальным миром. Польский католицизм не раз сбивал с толку скептиков и критиков ранее. То же самое может случиться опять.

Хосе Казанова - профессор социологии в университете Новой школы.

Copyright: Project Syndicate/Institute for Human Sciences, September 2003.

Перевод с английского - Николай Жданович

You might also like to read more from Хосе Казанова or return to our home